

В.Г. Васильевский

**Обращение Гедимины в
католичество**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.Г. Васильевский**
Обращение Гедимины в католичество / В.Г. Васильевский – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 62 с.

ISBN 978-5-4241-3673-3

ISBN 978-5-4241-3673-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

будто господство надъ язычниками для нихъ надежнѣе и крѣпче власти надъ людьми, вѣрующими въ Бога; мало того, писалъ даже Христіанъ, они подвергаютъ разнымъ мученіямъ уже крещенныхъ неопитовъ, если тѣ, обязавшись епископу клятвою вѣрности и желая охранить ее, не хотятъ имъ быть во всемъ послушными; страхъ такихъ истязаній уже принудилъ многихъ возвратиться къ заблужденіямъ невѣрія; рыцари, заявляя наконецъ епископъ Пруссіи, препятствуютъ благочестивымъ иноземцамъ строить христіанскія церкви для новыхъ вѣрующихъ и даже построенныя передаютъ въ руки язычниковъ¹⁾.

Мы сейчасъ увидимъ, что въ самомъ дѣлѣ „Божіи дворяне“ (какъ называются въ русскихъ лѣтописяхъ рыцари) ревниво оберегали свое право обращенія язычниковъ и неохотно дѣлились онымъ съ другими. Въ 1853 году князь Ленчицкій и Куявскій извѣстилъ Иннокентія IV, что сосѣдніе съ его владѣніями язычники, жители Польска (Poloxia), добровольно хотятъ обратиться въ христіанство, если только этотъ государь пріиметъ ихъ подъ свою власть и покровительство, не отнимая у нихъ свободы. Святой отецъ разрѣшаетъ польскому князю согласиться на просьбу. Правда, замѣчаетъ онъ въ своей буллѣ, вся земля Прусская (въ которую папа включаетъ землю Ятвяговъ — Польсье) уступлена братьямъ дома тевтонскаго, но только та земля, которую они поворотятъ себѣ мечемъ и войной, а эти язычники хотятъ добровольно, а не по принужденію сдѣлаться христіанами²⁾. Папская курія возвысилась на этотъ разъ до того гуманнаго, или лучше сказать, истинно-христіанскаго воззрѣнія, что и обращеніе должно быть добровольнымъ, а не вынужденнымъ, и что самъ Богъ не принимаетъ вынужденнаго служенія Ему³⁾. Забывая, однако, свои прежніе увѣщанія „воевать крѣпкою десницею“, „сокрушать сильною рукою“ язычниковъ, давая христіанскому принципу только случайное приложеніе, она какъ будто говорила тевтонскимъ рыцарямъ: земля, которую вы обратите силою въ христіанство, принадлежитъ вамъ, землю, которая обратится добровольно, я могу дать кому захочу. Какія отсюда вытекли слѣдствія, мы хорошо увидимъ дальше, а те-

¹⁾ *Theiner, Vetera Monum.*, I, № 75.

²⁾ *Theiner, Vetera Monum.*, I, № 110 (булла отъ 19-го мая 1253 г.).

³⁾ *Quia gratuita esse debet conversio, non coacta et ipse Deus coacta servitia non accipiat.* *Theiner, Veter. Monum.* I, № 139. Булла Александра IV (отъ 15-го июня 1256 г.) называетъ язычниковъ *gentioli* то-есть Ятвяги, тогда какъ въ буллѣ Иннокентія IV сказано: *pagani terrae quae Poloxia vulgariter appellatur.*

перь пока посмотримъ, что сдѣлали въ этомъ случаѣ рыцари. Не желая отказаться отъ своего права обращаться мечемъ, они вошли съ оружіемъ въ рукахъ въ землю Ятвяговъ (въ Полѣсье), „не безъ большаго пролитія крови“ покорили ее себѣ, и не взирая на всѣ увѣщанія папскаго легата, не хотѣли отказаться отъ своей добычи, такъ что тотъ долженъ былъ произнести противъ нихъ отлученіе отъ церкви ¹⁾.

Нельзя не признать, что у рыцарей нѣмецкихъ слова, по крайней мѣрѣ, соответствовали дѣйствіямъ и дѣйствія словамъ. Истреблять, искоренять, вырывать изъ рукъ — вотъ тѣ христіанскія выраженія, которыми орденъ обозначалъ свои отношенія въ Пруссамъ. Орденъ для того и существуетъ, чтобы сильною рукою воевать враговъ креста, для того и учрежденъ, чтобы истреблять ихъ, для того, наконецъ, и утвержденъ Римскимъ первосвященникомъ, чтобы вырывать изъ рукъ язычниковъ ихъ земли и владѣнія, обративъ оныя въ свою пользу для возвеличенія католической вѣры: такъ опредѣляли назначеніе ордена его официальные представители ²⁾.

Трудно было несогласнымъ и раздѣленнымъ Пруссамъ бороться противъ страшной силы ордена, подкрѣпленной въ случаѣ нужды новыми толпами временныхъ крестоносцевъ. Правда, и Пруссы могли бы найти себѣ помощь у близкихъ и соплеменныхъ Литовцевъ. Но, во-первыхъ, у самой Литвы подъ бокомъ существовалъ съ давняго времени такой же опасный и грозный врагъ. Ко времени утвержденія Нѣмцевъ на берегахъ Вислы, ливонскій орденъ Меченосцевъ уже успѣлъ въ свою очередь покорить Ливонію, Курляндію и Семигалию. Въ 1286 году произошло первое большое столкновеніе ливонскихъ рыцарей съ языческою Литвою. „Въ этомъ году“, говоритъ русская лѣтопись, „пришли въ селѣ великой Нѣмцы изъ заморья въ Ригу; здѣсь соединились съ ними Рижане, вся Чюдская земля, союзные Псковичи прислали отъ себя 200 человекъ; и пошли всѣ на безбожную Литву. Но христіанское ополченіе было разбито безбожными погаными; едва одинъ изъ десяти воротился домой изъ похода“ ³⁾. Литва побѣдила,

¹⁾ *Theiner, Vetera Monum. Polon., I, № 142* (булла отъ 5-го января 1257 г.)

²⁾ На судъ предъ папскимъ легатомъ (Венедиктомъ Макроу въ 1411 г.). *De facto ad hoc eorum ordo a Romano pontifice principaliter et specialiter est institutus et confirmatus, ut quoslibet hostes crucis christi invadere, eosque cum potentia exterminare et terras eorum seu dominia de manibus eorum eripere et in usus suos convertere pro augmento catholicae fidei possit valeat et debeat.* *Dzialynski, Lites acres gestae, III, 148; Voigt, Geschichte Preussens. IV, 2.*

³⁾ Новгор. первая лѣтопись подъ 6765 г.

но не умѣла воспользоваться своею побѣдой; ливонскій орденъ устоялъ, найдя для себя опору въ родственномъ по назначенію и національному составу орденѣ тевтонскомъ, даже соединившись, или лучше сказать слившись съ послѣднимъ въ одно цѣлое, тѣмъ болѣе грозное для сосѣдей (1237 года).

Вовторыхъ, и Литва, подобно Пруссамъ, долго оставалась раздѣленною на множество мелкихъ, самостоятельныхъ удѣловъ, властители которыхъ были способны соединиться только для случайнаго набѣга, кратковременной помощи своимъ братьямъ въ Пруссіи, а никакъ — для систематическаго и постояннаго отпора враждебнымъ силамъ германизма. Только при Миндовгѣ, довольно безцеремонно начавшемъ истреблять литовскихъ „кунигасовъ“ (мелкихъ князьковъ), обнаруживается мысль о нѣкоторомъ политическомъ объединеніи. Къ несчастію, обстоятельства сложились такъ, что противъ домашнихъ враговъ, стоявшихъ по дорогѣ къ его цѣли, Миндовгъ долженъ былъ искать себѣ опоры въ тѣхъ же самыхъ врагахъ своего племени, въ рыцаряхъ тевтонскаго ордена; онъ принялъ христіанство и крестился въ Ригѣ. Орденъ, существовавшій для распространенія христіанства, не любилъ, какъ уже замѣтили, добровольныхъ обращеній въ христіанство. Владыка католическаго міра сказалъ: что завоеете мечемъ и войной у язычниковъ, то будетъ ваше; слѣдовательно, обращаться въ христіанство безъ содѣйствія войны и меча рыцарей значило отнимать у нихъ добычу, лишать ихъ права на подлежащія завоеванію лическія земли. На этотъ разъ, однако, орденъ нисколько не противодѣйствовалъ обращенію Миндовга, желая достигъ своей цѣли другимъ путемъ. Ни малѣйшаго сочувствія къ вѣроисповѣданію, которое до сихъ поръ предлагалось на остріѣ меча, въ Литовцахъ не было; по ихъ понятіямъ, склонить голову подъ нго Христа, проповѣдуемаго римскими миссіонерами, значило склонить голову подъ тяжелое нго нѣмецкое, что, къ несчастію, было почти вполне справедливо. Принявъ при такихъ условіяхъ христіанство, Миндовгъ сдѣлался повѣреннымъ орудіемъ въ рукахъ ордена. Рыцари охотно и усердно поддерживали челоуѣка, принятаго ими отъ христіанской купели, противъ домашнихъ враговъ, которыхъ послѣ крещенія у него стало больше. Поддерживали, разумѣется, не даромъ. Одинъ годъ за другимъ, съ незначительными промежутками, являлись записи Литовскаго князя, которыми онъ даритъ рыцарямъ то одну землю, то другую; разъ отказываетъ имъ, въ случаѣ неимѣнія законныхъ наслѣдниковъ, всѣ свои владѣнія, потомъ снова передаетъ еще при жизни отдѣльныя области.

„Чтобъ имѣть силу совершить то, что нами начато, и подавить сильною рукою противниковъ вѣры и возмутителей королевства нашего (turbatores regni nostri), намъ была необходима помощь магистра и братья ордена.... Хотя милиція братьевъ помянутаго ордена именно и учреждена противъ возмутителей вѣры и церкви, хотя они всегда готовы подать свою помощь намъ еще болѣе, чѣмъ прочимъ христіанамъ, безъ особеннаго вознагражденія съ нашей стороны, считая достаточною наградой жизнь вѣчную, однако, — чтобъ они могли болѣе дѣйствительнымъ образомъ исполнить свою обязанность вспомошествованія намъ, что для насъ такъ необходимо, — мы уступаемъ имъ нижеписанныя земли“. Такъ мотивируются всѣ записи Миндовга рыцарямъ ¹⁾. Онѣ, какъ можно видѣть по приведенному образцу, отличаются весьма страннымъ со стороны Миндовга тономъ и весьма сильно отзываются тѣмъ благочестивымъ лицемеріемъ, которое было такъ присуще военно-монашескому братству Іерусалимскаго госпиталя. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что Миндовгъ, для лучшей защиты себя и своихъ владѣній чуть не отдавшій всѣхъ своихъ владѣній въ чужія руки, дѣйствительно подписалъ одну за другою эти грамоты; ихъ подлинность не подлежитъ сомнѣнію. Нельзя однако не подумать, что кто-нибудь близкій къ ордену, считающему жизнь вѣчную достаточною наградой за свои услуги, диктовалъ щедрыя записи Литовскаго князя. Въ такомъ случаѣ орденъ слишкомъ сильно натянулъ струну, и она лопнула. Возстаніе противъ невыносимаго ига между Пруссіею и сильное пораженіе, понесенное орденомъ на рѣкѣ Дурбѣ, заставили Литовскаго князя сбросить маску и обнаружить свои истинныя чувства, а они звали его на кровавую борьбу противъ пришельцевъ заодно съ соплеменниками.

Возстаніе, въ которомъ замѣшанъ Миндовгъ, есть второе возстаніе Пруссовъ противъ ордена; оно было самымъ страшнымъ и опаснымъ для нѣмецкихъ рыцарей, но вовсе не было послѣднимъ. Еще три разъ угнетаемая и искореняемая народность поднималась на защиту своего существованія; болѣе полустолѣтія прошло отъ сліянія обоихъ орденовъ въ одинъ, цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ неустанной и непрерывной кровавой работы потребовалось для окончательнаго покоренія Прус-

¹⁾ *Raszyński*, Codex diplomat. Lithuaniae № 10, pag. 15. Ср. №№ 4, 7, 8, 9 и особенно 12-й. Вопросъ о подлинности грамотъ очень подробно разобралъ Шегренъ (въ сочиненіи Ueber die Wohnsitze der Jatwager) и Боннелемъ (Ueber einige Ereignisse aus der Zeit Mindowe's von Litthauen: Litvland. Mittheilungen IX, p. 42. 284); сомнѣнія остаются только въ отношеніи къ одной изъ нихъ.

совъ, Земиголы и Куровъ подъ нѣмецкое иго. Теперь же очередь была за Литовцами: они должны были заплатить за свое вѣзвѣдѣніе въ пользу единоплеменниковъ.

II.

„Въ лѣто Господне 1283 когда отъ начала войны противъ племени прусскаго протекло уже 53 года, и всѣ народы въ сказанной землѣ были завоеваны или истреблены, такъ что не оставалось ни одного человѣка, который не склонялъ бы покорно своей главы подъ власть римской церкви, — братья дома тевтонскаго начали войну противъ племени могущественнаго, жестковѣйнаго и опытнаго въ войнѣ, которое жило по сосѣдству съ землею Прусскою за рѣкою Нѣманомъ, въ землѣ Литовской“ ¹⁾.

Нѣмцы встрѣтили „въ жестковѣйномъ“ народѣ литовскомъ отпоръ суровый и непреклонный. Усиленные присоединеніемъ сосѣднихъ русскихъ княжествъ, жители которыхъ сообщали имъ свою высшую цивилизацію и свою большую опытность въ военномъ искусствѣ, Литовцы тѣмъ съ большимъ успѣхомъ отражали нѣмецкій натискъ, что съ конца XIII столѣтія у нихъ является цѣлый рядъ необыкновенно умныхъ и энергическихъ представителей, съ большимъ счастьемъ, тѣмъ нѣкогда Миндовгъ, рѣшившихъ задачу объединенія своего народа. Великій князь литовскій Витенъ, его сынъ и преемникъ Гедиминъ ²⁾

¹⁾ Tempore, quo—omnes nationes—expugnate essent et exterminate,—contra gentem illam potentem et durissime cervicis—inceperunt bellum.—Dusburg S. R. P. 1, 146.

²⁾ Мы считаемъ Гедимина сыномъ Витена, хотя источники въ этомъ несогласны между собою. По однимъ (Длугошъ, *Анналы Оливскіе*), онъ былъ конюшимъ у своего предшественника Витена; по другимъ (Родословная князей литовскихъ, писанная въ XV столѣтіи и помѣщенная въ Воскресенской лѣтописи; также Хроника литовская Нарбута), онъ былъ его сынъ; наконецъ въ Римской грамотѣ (Русско-Ливонскіе акты № 53; сл. Livland Urkunden.) Гедиминъ названъ братомъ Витена. Что Гедиминъ не былъ конюшимъ, убившимъ своего господина, это окончательно доказывается современнымъ Римскимъ документомъ, гдѣ онъ названъ его братомъ. Извѣстіе о Гедиминѣ конюшимъ вполнѣ и всецѣло принадлежитъ Длугошу. Нарбутъ напрасно ставитъ впереди *Анналы Оливскіе*, опровергая ихъ и уличая въ пристрастіи къ ордену и во враждѣ къ Литовцамъ. Онъ снѣзжалъ, должно быть, *Анналы Оливскіе*, писанные въ началѣ XVII вѣка отчасти по источникамъ польскимъ (Длугошу, Броммеру), съ древнею хроникой Оливской, въ которой о Гедиминѣ совсѣтъ не упоминается. Если нужно объясненіе, почему Длугошъ произвелъ Гедимина въ конюшіе, то поводъ къ этому можно съ нѣкоторою вѣроятностію отыскать въ знакомствѣ Длугоша съ языкомъ

великій князь литовскій и прусскій, — вотъ два героя народной борьбы съ нѣмцами. Съ другой стороны, предлагая христіанскую вѣру на остріѣ меча, обращая въ рабство населенія, крещенныя насиліемъ, нѣмецкій орденъ болѣе отталкивалъ Литвинновъ отъ христіанской вѣры, чѣмъ обращалъ въ нее. Но если носители меча мірскаго, забывались и увлекались, думали и говорили объ истребленіи язычниковъ ибѣсто ихъ обращенія, то у римской церкви было и другое — духовное орудіе, не менѣе могущественное. Когда уходила рать крестоносцевъ, оставивъ послѣ себя пожженные села и разоренные города, къ русско-литовскому князю являлись монахи одного изъ нищенствующихъ странствующихъ орденовъ — доминиканцы или францисканцы — и говорили огорченному князю, что только одинъ человѣкъ можетъ защитить его отъ страшнаго оружія рыцарей, то-есть, глава католической церкви, св. отецъ папа.

Такія же точно внушенія шли изъ ближайшаго къ Вильнѣ нѣ-

литовскимъ. *Kut-is* по литовски значить конюшня: отсюда Кедминъ (такъ въ Лѣтописи князей литовскихъ *А. Н. Попова*), Gudemine и т. д. Свидѣтельство родословной Велико-Россійскаго государства, писанной въ Ярославѣ въ 1686 году, ведетъ свое начало отъ польскихъ источниковъ и не имѣетъ значенія, какъ и другія позднія свидѣтельства (см. *Карамзинъ*, IV, примѣч. 266). Въ поэмѣ сыновства Гедиминова, кромѣ Воскресенской лѣтописи и Литовской хроники Нарбута говоритъ одно мѣсто въ Софійской лѣтописи. Описывая высокія достоинства Ольгерда, лѣтописецъ замѣчаетъ, что «ни отецъ, ни дѣдъ его тако прослыгъ» (прославился). Отецъ Ольгерда—Гедиминъ, но кто же дѣдъ, предполагаемый славинъ, хотя и не въ Ольгерда? Очевидно, отецъ Гедимина—Витенъ. Въ грамотахъ имъ нѣсколько разъ встрѣтимъ выраженіе, гдѣ Гедиминъ говоритъ о своихъ прародителяхъ (*progenitores*): не вездѣ можно понимать это въ томъ смыслѣ, что Гедиминъ говоритъ отъ лица всѣхъ Литовцевъ, какъ объясняетъ профессоръ Соловьевъ (*Исторія Россіи*, III, 422). Когда Гедиминъ говоритъ: «отъ моихъ прародителей я слыхалъ, что папа нашъ общій отецъ», то здѣсь очевидно разумѣются собственные прародители Гедимина и уже вовсе не предки какого-нибудь конюшаго. Это послѣднее соображеніе, впрочемъ, доказываетъ только то, что Гедиминъ былъ не конюшій, что теперь и безъ того несомнѣнно (*Рижскій документъ*). Вопросъ въ томъ, былъ ли онъ сынъ или братъ Витена; слѣдуетъ ли предпочесть извѣстіе русскихъ лѣтописей, или современной Рижской грамоты? Если мы примемъ послѣднее, то весьма страннымъ и необъяснимымъ останется убѣжденіе русскихъ и литовскихъ лѣтописцевъ въ сыновствѣ Гедимина, ведущее свое начало, очевидно, изъ глубокой древности, — между тѣмъ какъ очень легко предположить, что и Рижская грамота, писанная по латыни, называла или хотѣла назвать Витена отцомъ Гедимина. Слова *frater* и *pater* очень сходны между собою, а въ написаніи могутъ быть и совершенно одинаковы. Такихъ образцовъ мы остаемся пока при томъ убѣжденіи, что слово *frater* есть только невѣрное чтеніе, а Гедиминъ былъ сыномъ Витена.

меккаго города — изъ Риги, гдѣ совершенно неожиданно литовскіе князья нашли себѣ союзниковъ противъ ордена. Между высшимъ духовенствомъ въ земляхъ тевтонскаго ордена и военно-монашескимъ братствомъ рыцарскимъ съ давняго времени господствовала ожесточенная борьба. Первымъ источникомъ столкновения былъ вопросъ о деньгахъ. Мы видѣли, что люди, принявшіе на себя необдуманно обѣтъ далекаго странствія въ Палестину на защиту Святой земли, послѣ съ удовольствіемъ и радостію мѣняли его на болѣе легкую, но не менѣе угодную Богу и папѣ службу въ Пруссіи. Но бывали и такіе люди, которые прямо обѣщались идти съ мечемъ и крестомъ противъ Сарацинъ евронейскихъ, а потомъ все-таки находили и этотъ подвигъ или тяжелымъ, или невозможнымъ для себя. Что было дѣлать такимъ людямъ? Имъ позволено было выкупать свои обѣты у Бога, то-есть, у духовенства за деньги. Но послѣ этого представлялся вопросъ: кому же должны принадлежать эти деньги? Такъ какъ духовенство и принимало и разрѣшало обѣты, то по его мнѣнію, деньги должны были принадлежать тоже ему, то-есть, духовенству. Папа, однако, рѣшилъ, что „выкуны обѣтовъ“ (*redemptiones votorum*) должны идти въ пользу крестоносной рыцарской братіи, потому что они, трудясь постоянно въ распространеніи католической вѣры, дѣлали возможною спускательную замѣну обѣтовъ деньгами для прочихъ слабыхъ или малоусердныхъ ¹⁾. Не смотря на рѣшеніе папы, споръ объ этой доходной статьѣ не только не прекратился, но еще возгорѣлся съ новою силою при знаменитомъ архіепископѣ Рижскомъ Альбертѣ Суерберѣ (извѣстенъ, между прочимъ, по сношеніямъ съ Даніиломъ Галицкимъ), усложнившись другими вопросами ²⁾.

Любимецъ папы Иннокентія IV, возведенный своимъ покровителемъ въ санъ архіепископа Пруссіи, Лифляндіи и Эстляндіи (въ 1246 г.), облеченный потомъ званіемъ папскаго легата, гордый князь церкви и лично человѣкъ неуступчивый, Альбертъ былъ оскорбленъ (минимымъ или дѣйствительнымъ) неуваженіемъ орденскихъ властей къ своему сану и покровительствомъ, какое находили у рыцарей люди, подвергнутые имъ церковному наказанію. Послѣ этого онъ не хотѣлъ знать правъ и привилегій ордена, хотя бы они утверждены были римскою куріей, и не только лишилъ снова Божіихъ дворянъ денегъ за

¹⁾ Codex Prussic. I, № 57. 80. 82, *Theiner*, Vetera Monum. Polon. et Lithuan. I, № 99.

²⁾ См. Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Estland. Geschichtliche Darstellung von P. von Goetze, S.-Petersburg, 1854.

обѣты, но вообще не хотѣлъ, чтобы такіе обѣты давались, собственно властію прекративъ всякую проповѣдь, призывающую христіанъ на помощь ордену. Архіепископъ Альбертъ стремился даже измѣнить самія основныя начала орденскаго устройства, по которымъ собственно ордену принадлежали двѣ трети завоеванной земли съ правомъ десятины, грозилъ отлученіемъ отъ церкви, и наконецъ, интердиктомъ. Напрасно папа Иннокентій IV старался прекратить раздоръ, дошедшій до такихъ крайнихъ предѣловъ, рѣшившись даже снять съ своего любимца санъ легата, которымъ тотъ злоупотреблялъ. Оставивъ Альберта митрополитомъ всѣхъ католическихъ епархій въ земляхъ ордена и назначивъ мѣстопробываніемъ его престола городъ Ригу, Иннокентій IV приготовилъ, напротивъ того, новое сѣмя раздоровъ на будущее время. Къ концу XIII вѣка вражда обнаруживается въ явленіяхъ самаго рѣзкаго характера. Въ 1289 году архіепископъ Іоаннъ Фехтенъ былъ захваченъ рыцарями въ плѣнъ и посаженъ въ крѣпкое заключеніе ¹⁾. Въ 1292 году мѣстный магистръ ливонскій снова напалъ на епископа и заключилъ его въ темницу. Только смерть магистра принесла свободу архіепископу Рижскому. Но не утвердила она мира между Рижскою церковію и орденомъ. Черезъ нѣсколько времени во всѣхъ католическихъ храмахъ города Риги возсылались по распоряженію духовнаго владыки усердныя молитвы къ Богу, чтобы Онъ истребилъ магистра и рыцарей ²⁾. Мало надѣясь, однако, на дѣйствительность своихъ благочестивыхъ моленій, архіепископъ Рижскій искалъ и земной помощи. Не нашедши ея у христіанскаго Бога, онъ обратился — если не къ самымъ богамъ языческимъ, то по крайней мѣрѣ къ ихъ почитателямъ, къ литовскимъ язычникамъ, искалъ у нихъ дружбы, союза и помощи противъ ордена.

Въ 1297 году произошелъ взрывъ затаенной вражды между рыцарями и третьею самостоятельною силою въ землѣ ливонской — Рижскою городскою общиною, началась „безсмертная борьба“ (*immortalis discordia*, по выраженію Петра Дубургскаго), въ которой Литовцы должны были принять дѣятельное участіе.

Рига, основанная прежними Лифляндскими епископами, признавала духовнаго владыку земли Ливонской и своимъ верховнымъ свѣтскимъ господиномъ. Верховная власть архіепископа не погѣшала, однако, развитію городского самоуправленія. Мѣстная администрація

¹⁾ Voigt, Geschichte Preussens, IV, 121.

²⁾ Ibid, IV, 124.

и судъ вѣдались войтомъ (judex civitatis, advocatus), котораго избирали сами горожане, а утверждалъ архіепископъ посредствомъ инвеституры, то-есть, давая перстень, украшенный драгоценнымъ камнемъ. Двѣнадцать ратмановъ (радцы, consules, Rathsherren) помогали войту, который въ 1275 г. получалъ право избирать себѣ намѣстника, не требуя для него инвеституры отъ епископа. Около этого же времени во главѣ городской думы вмѣсто войты являются четыре бургомистра (proconsules), изъ среды которыхъ сталъ избираться самый войтъ.

Самоуправленіе города сильно не нравилось рыцарямъ. Въ 1274 году они выхлопотали себѣ у короля Рудольфа Габсбургскаго право свѣтскаго суда надъ жителями Риги, но на дѣлѣ не могли получить его, не успѣли принудить горожанъ къ признанію этого права. Съ непоколебимою вѣрностію городъ держался своего духовнаго владыки. Тѣмъ съ большимъ озлобленіемъ смотрѣли рыцари на богатыхъ и зажиточныхъ (благодаря русской торговлѣ) горожанъ и ждали удобнаго случая ¹⁾.

Такой случай представился. Архіепископъ Іоаннъ III (Шверинъ) былъ на охотѣ и сломалъ себѣ ногу. Такъ какъ въ Ригѣ не было хорошихъ врачей, то онъ отправился во Фландрію и поручилъ свои владѣнія магистру ордена, за исключеніемъ, однако, города Риги, управляемаго войтомъ и думою. Отсутствіемъ архіепископа воспользовался орденъ для достиженія своихъ видовъ. Въ іюлѣ 1297 года Рижане задумали построить плотину противъ весеннихъ разливовъ рѣки Двины. Чтобы удобнѣе было производить работы, они нашли нужнымъ навести сначала мостъ черезъ рѣку Ригу, впадающую въ Двину. Орденскія власти велѣли разрушить мостъ; горожане оказали сопротивленіе, и это послужило сигналомъ къ открытой борьбѣ. Вице-магистръ объявилъ всѣ привилегіи города не имѣющими силы, пока граждане не снесутъ своего моста; для нихъ была закрыта орденская мельница, такъ что пришлось просить о присылкѣ муки изъ Любека. Не смотря на посредничество Рижскаго духовенства, на вмѣшательство Любчанъ, принимавшихъ участіе въ Ригѣ, какъ членѣ

¹⁾ Monumenta Livoniae, t. IV. Статья *Намьерскаю*: «Kurze Uebersicht der älteren Geschichte der Stadt Riga», стр. 38. Исторія борьбы ордена съ городскою общиною также изложена у Намьерскаго, но акты, изданные Бунге (Liv- und Kurländisches Urkundenbuch), дали возможность во многомъ исправить подробности этого изложенія, нѣчто и указано издателемъ Ливонской хроники Германа Вартбергскаго (Штрелке): Script. rer. Prussic., II, 54 (примѣч.).

Ганзы, не смотря на примирительный образъ дѣйствій самаго архіепископа, который посѣщилъ прибыть въ Ригу,—дѣло не могло уладиться. Нѣсколько разъ заключались перемирія, но вражда этимъ не прекращалась. Орденъ первый началъ враждебныя дѣйствія. Епископъ, естественно, сталъ на сторонѣ горожанъ. Но какъ могли устоять купцы и торговцы,—хотя и привыкшіе, по средневѣковымъ порядкамъ, владѣть оружіемъ, хотя и вспомошествоваемые вассалами архіепископа,—противъ рыцарей всего тевтонскаго ордена? Въ Ливонію скоро пришла помощь изъ Пруссіи.

Уже прежде архіепископы Рижскіе обращались къ Литовцамъ съ предложеніями дружбы, союза, перехода въ христіанство. Теперь, въ самую критическую минуту, не взирая на всѣ преграды и заставы, устроеныя рыцарями, въ Ригѣ явились послы изъ Литвы и торжественно, предъ многочисленнымъ собраніемъ, объявили (30-го марта 1298 года), что Литовцы готовы соединиться узами единовѣрія и политическаго союза съ Рижанами и друзьями ихъ ¹⁾. Само собою разумѣется, что въ настоящую минуту, Рижанамъ союзъ Литовскаго князя былъ гораздо нужнѣе, чѣмъ даже его обращеніе. Самъ архіепископъ не имѣлъ возможности смотрѣть слишкомъ пристально и пытливо, тѣмъ болѣе, что онъ скоро попалъ въ плѣнъ рыцарямъ, которые и посадили его въ крѣпкій Феллихъ на хлѣбъ да на воду ²⁾. Литовцы и Русскіе, управляемые тогда княземъ Витеномъ, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ ожесточенной борьбѣ Риги съ орденомъ; самъ князь Витенъ неоднократно являлся во главѣ своего войска въ землѣ Ливонской. Орденскіе замки пылали, владѣнія рыцарей опустошались; такъ какъ Литовцы вовсе не думали обращаться въ христіанство, то не было пощады мѣстамъ и символамъ христіанскаго богопочитанія; одинъ плѣнный рыцарь былъ сожженъ въ честь литовскихъ боговъ; самъ орденскій магистръ Бруно убитъ въ одномъ сраженіи ³⁾.

Не смотря, однако, на помощь Литовцевъ и Русскихъ, Рижане были разбиты на голову рыцарями въ кровавомъ сраженіи при „Новой мельницѣ“ (Нейенмюленѣ, 29-го іюня 1298 г.) и должны были купить миръ дорогою цѣною. Но чѣмъ невыгоднѣе были мирныя условія для

¹⁾ *Bunge*, Livländ. Urkundenb. I, № 570. Ср. Русско-ливонскіе акты, № 45; и *Script. ver. Prussic.* II, 55.

²⁾ *Dogiel*, Codex diplom. Poloniae, V, № 36; *Voigt*, Geschichte Preussens IV, 126.

³⁾ *Petri de Dusburg. Chron.*; S. R. P., I, 163. *de Wartberg. Chron. Norm.*—II, 55. *Herman. de Wärtberg, Relatio*—II, 149.